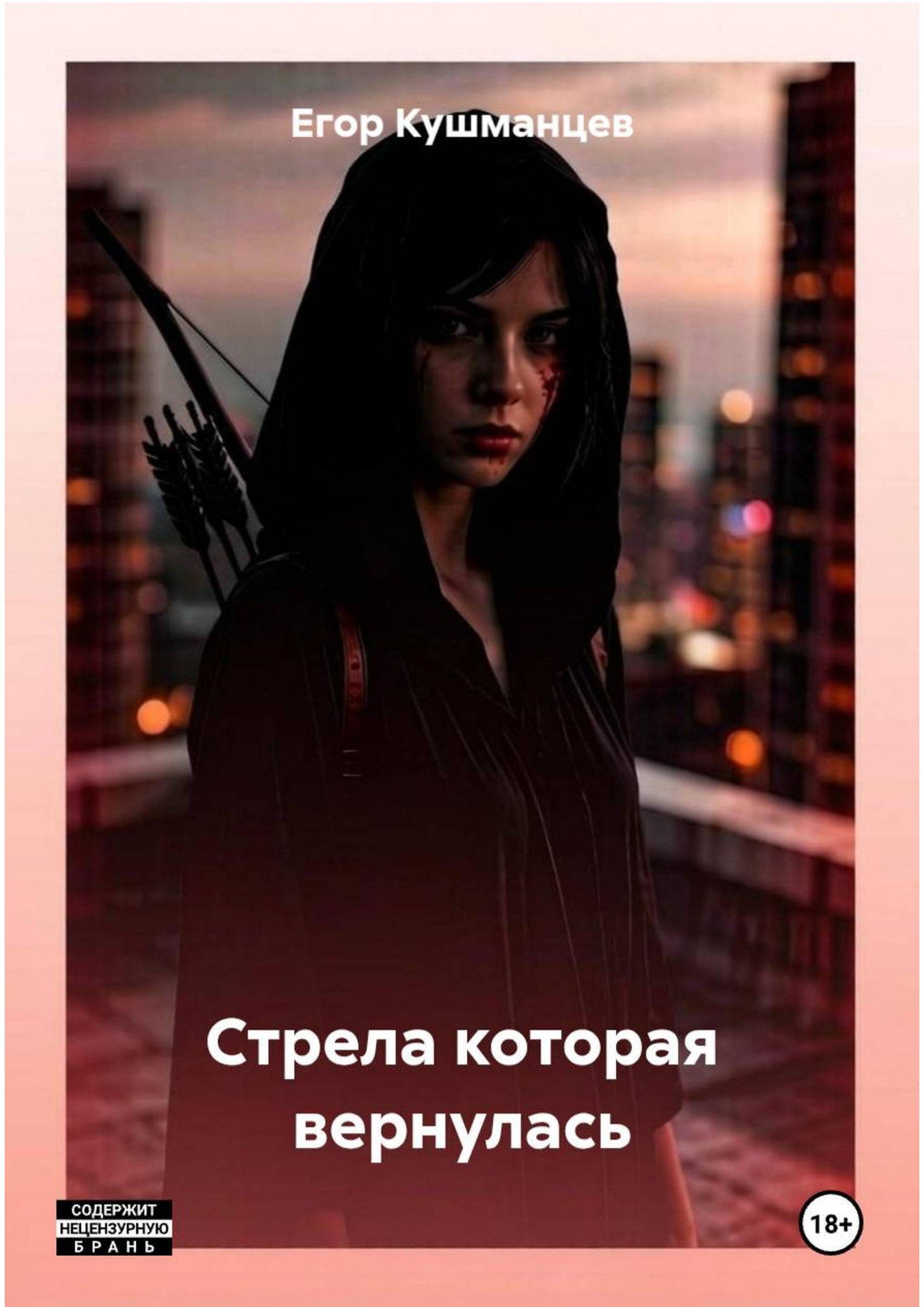

Егор Кушманцев

Стрела которая вернулась

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Кушманцев

Стрела которая вернулась

«Автор»

2026

Кушманцев Е.

Стрела которая вернулась / Е. Кушманцев — «Автор», 2026

Эта книга — не о супергероях. Это история девочки, которая боялась темноты, но научилась видеть в ней путь. Это история о том, как ненависть сжигает, а любовь исцеляет. О том, как остаться человеком, когда весь мир говорит, что ты уже чудовище. Я была там же, где, возможно, сейчас ты. Я боялась, теряла, сомневалась — и всё равно пошла вперёд. Потому что за мной была семья, а внутри меня — жизнь. Прочитай. И если смогла я — сможешь и ты. Надя Уэллс.

© Кушманцев Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3. Ужин, который становится допросом	14
Глава 4. Тени прошлого и новые горизонты	20
Глава 5. Тень над городом	21
Глава 6. Студенческие будни и тени города	22
Глава 7. Встреча на крыше	25
Глава 8. Доверие и правда	27
Глава 9. Приготовления и волнения	28
Глава 10. Экскурсия в управление	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Егор Кушманцев

Стрела которая вернулась

Глава 1. Десять лет спустя

Портовый город просыпался медленно, нехотя, как старый пьяница после запоя. Серое небо нависало над крышами, обещая дождь к полудню — такой же серый, мелкий и навязчивый, как воспоминания, которые не хотят уходить. Чайки кружили над пирсами, их крики смешивались с гулом корабельных гудков и лязгом цепей. Воздух пах солью, мазутом и мокрым деревом — запах, который въедался в одежду, в волосы, в саму душу.

Из окна второго этажа старого дома, прилепившегося к склону холма, открывался вид на залив. За мутным стеклом, покрытым налётом вековой грязи, можно было разглядеть силуэты кранов и ржавых барж, покачивающихся на чёрной воде. Дом стоял здесь больше пятидесяти лет, и его стены помнили многое: крики, слёзы, тишину. И, возможно, именно поэтому Грэйс Уэллис выбрала его десять лет назад — когда привезла сюда спасённую девочку и начала новую жизнь.

Теперь они уезжали. В доме пахло картонными коробками и чем-то горьким, похожим на прощание.

Она стояла у окна в своей комнате — последней, которую ещё не разобрали. Спиной к двери, лицом к серому небу. Наде было семнадцать, но в её осанке, в том, как она держала плечи, чувствовалась зрелость, не свойственная её возрасту. Она не обернулась, когда скрипнула половица, — только слегка наклонила голову, прислушиваясь к шагам за спиной.

Короткие чёрные волосы, подстриженные почти по-мальчишески, открывали тонкую шею и высокие скулы. Надя носила их так уже два года — с тех пор, как впервые взяла ножницы и отрезала длинные косы, которые так любила в детстве. Это был жест отказа. Отказ от прошлого, от страха, от той девочки, которая боялась говорить. Теперь она говорила только тогда, когда считала нужным. И её молчание стало выбором, а не проклятием.

Она была высокой — почти метр семьдесят, с длинными ногами и узкими бёдрами. Её фигуру скрывала свободная чёрная футболка с потёртым воротом и такие же чёрные брюки, заправленные в высокие ботинки на грубой подошве. Она носила чёрное всегда — с тех пор, как помнила себя. Единственным исключением была форма в школе, да и ту она умудрялась делать максимально тёмной: тёмно-синяя юбка, чёрные колготки. Чёрный не привлекал внимания. Чёрный не требовал объяснений. Чёрный был цветом её матери, и Надя переняла эту привычку, как и многое другое — острый взгляд исподлобья, привычку замечать детали и доверять интуиции больше, чем словам.

На её левом запястье белел шрам — тонкая линия, пересекающая вену. Она никогда не прятала его. Иногда, когда она думала, что никто не видит, она проводила по нему пальцами, словно проверяя, что всё ещё здесь. Что прошлое не ушло, а просто отступило, затаилось в тених.

В комнате было пусто — только кровать с голым матрасом и старая коробка на полу. Коробка, которую она не открывала годами. Надя наконец повернулась к двери и встретила взглядом с Грэйс, которая стояла на пороге.

Мать и дочь не были похожи внешне — разве что серыми глазами, холодными и глубокими, как вода в заливе в новолуние. У Грэйс лицо было более резким, с жёсткими линиями, вырезанными годами работы и потерями. У Нади — мягче, но с той же решимостью во взгляде, той же готовностью идти до конца. Иногда Грэйс смотрела на неё и видела себя в семнадцать — только более цельную, более собранную. Будто дочь взяла всё лучшее из её характера и избавилась от лишнего.

— Собирайся, — сказала Грэйс, и её голос, обычно твёрдый, сейчас звучал почти мягко. — Через час приедет грузовик. Я хочу, чтобы ты была готова.

— Готова, — ответила Надя, кивая на коробку. — Всё остальное уже в машине.

Грэйс вошла в комнату. Её шаги были лёгкими, почти бесшумными — привычка, от которой она не могла избавиться, даже в собственном доме. Она остановилась рядом с дочерью, проследила за её взглядом, устремлённым в окно.

— Будешь скучать? — спросила она.

— По чему? — Надя не обернулась. — По этому городу? По этим стенам? — она помолчала, и в её голосе появилась едва заметная горечь. — Здесь умерла моя мать. Моя настоящая мать. И я никогда не смогу забыть этого, сколько бы лет ни прошло.

Грэйс положила руку ей на плечо. Прикосновение было тёплым, знакомым, и Надя на мгновение прикрыла глаза, позволяя себе эту слабость.

— Она была хорошей женщиной, — сказала Грэйс. — Она спасла тебя. Она дала тебе шанс.

— А ты дала мне жизнь, — ответила Надя, поворачиваясь к ней. В её серых глазах блеснула улыбка — редкая, почти неуловимая. — Ты и папа.

Она редко называла Алекса папой — вслух. Но Грэйс знала, что для неё он был именно отцом. Тем, кто пришёл не для того, чтобы заменить, а чтобы быть рядом. Тем, кто научил её доверять мужчинам. Тем, кто дал ей чувство безопасности, которое она потеряла в семь лет.

— Он ждёт внизу, — сказала Грэйс. — Собирается съесть все блины, если мы не спустимся.

Надя усмехнулась — коротко, почти беззвучно.

— Он всегда так делает. Думает, что мы не замечаем.

— Мы замечаем. Просто не говорим.

Их взгляды встретились, и в этом молчании было больше, чем в любых словах. Десять лет совместной жизни научили их понимать друг друга без объяснений. Они были двумя женщинами, которые выжили в аду и вынесли оттуда друг друга.

Надя подняла коробку с пола. Она была лёгкой — только фотографии, заяц и те немногие вещи, которые имели значение. Остальное можно было оставить. Остальное было просто вещами.

— Идём, — сказала она.

Они спустились по скрипучей лестнице в гостиную, где их ждал Алекс. Он стоял у окна, держа в руке кружку с остывшим кофе, и смотрел на улицу. За десять лет он почти не изменился — разве что морщин вокруг глаз стало больше, а в волосах появилась седина. Но его взгляд остался прежним: тёплым, внимательным, способным заметить то, что другие пропускали.

— Ну что, — он повернулся к ним, улыбнулся. — Последний раз в этом доме?

— Последний, — подтвердила Грэйс.

— Я не буду плакать, — сказал Алекс, и в его голосе послышалась шутливая нотка. — Правда не буду.

— Ты всегда плачешь, — возразила Надя, ставя коробку на пол. — На прошлой неделе, когда мы продавали машину, ты чуть не разревелся.

— Это была хорошая машина, — сказал Алекс с достоинством. — Она прослужила нам десять лет.

— Она была старой развалиной, — фыркнула Надя. — Как и этот дом.

— Дом был хорошим, — возразил Алекс. — Он дал нам кров.

— Он дал нам сырость и трещины на потолке, — парировала Надя, но в её голосе не было злости. Только лёгкая, почти невесомая ирония, которую она переняла у матери.

Грэйс стояла в стороне, наблюдая за ними, и в её взгляде было что-то похожее на удивление. Десять лет назад она не могла представить, что этот момент настанет. Что они будут стоять втроём в доме, который стал их убежищем, и шутить о переезде. Что Надя будет говорить полными предложениями, смеяться, спорить. Что она вырастет и станет сильной — не благодаря, а вопреки.

Грэйс вспомнила ту ночь, когда они сидели в этой же комнате, и Надя впервые заговорила. Её голос был тихим, хриплым, как у человека, который долго молчал. Она сказала: «Спасибо, мама». И Грэйс тогда не удержалась от слёз.

— Мам, — голос Нади вернул её в реальность. — Ты в порядке?

— В порядке, — ответила Грэйс, отводя взгляд. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, как быстро растут дети.

Надя закатила глаза, но Грэйс заметила, как уголки её губ дрогнули в улыбке.

— Я уже не ребёнок, мам. Мне семнадцать.

— Ты всегда будешь моим ребёнком, — сказала Грэйс с твёрдостью, не допускающей возражений. — Даже когда тебе будет пятьдесят.

— Тогда я буду самой старой студенткой судебной медицины, — усмехнулась Надя.

— Я буду гордиться тобой, — сказала Грэйс просто. Как о чём-то само собой разумеющемся.

Надя замолчала на мгновение. Потом подошла к матери и обняла её — крепко, по-взрослому.

— Я тоже буду гордиться тобой, мам, — прошептала она. — Ты не дала мне сломаться. Ты не дала мне стать той, кем я могла бы стать.

Грэйс обняла её в ответ, чувствуя, как в горле встаёт ком.

— Ты бы справилась и без меня, — сказала она, но в голосе не было уверенности.

— Нет, — ответила Надя. — Не справилась бы. Я была слишком маленькой. Слишком слабой.

— Ты никогда не была слабой, — возразила Грэйс, отстраняясь и заглядывая в её глаза. — Ты просто не знала своей силы.

Алекс стоял в стороне, не вмешиваясь. Он знал: такие моменты принадлежат только им двоим. Его роль была другой — быть опорой, быть тем, кто держит их, когда мир рушится. Иногда он чувствовал себя мостом между прошлым и будущим, и эта роль была нелёгкой. Но он никогда не жаловался.

— Грузовик приедет через двадцать минут, — напомнил он. — Может, сядем и просто... побудем вместе? В последний раз.

Они сели на пол — прямо на картонные коробки, упакованные вещи, старый ковёр, который помнил их шаги десять лет. За окном начался дождь. Мелкий, настойчивый. Он барабанил по стёклам, как в ту ночь, когда Грэйс впервые привезла Надю в этот дом.

— Ты помнишь тот день? — спросила Надя, глядя в окно. — Когда мы приехали сюда?

— Помню, — ответила Грэйс. — Ты не хотела выходить из машины. Ты сказала, что не хочешь жить в доме, где нет порта.

— Я боялась, что порт был единственным, что я знала, — Надя говорила тихо, почти шёпотом. — Мне казалось, что без него я потеряюсь.

— Ты не потерялась. Ты нашла себя.

— Я нашла вас, — поправила Надя.

В этом было больше правды, чем она могла выразить словами.

За окном дождь всё усиливался. Где-то вдалеке гудел корабль, и этот звук, такой знакомый, такой больной, плыл над городом, как последнее прощание.

Грэйс смотрела на дочь и видела в ней не только девочку, которую спасла, но и взрослую женщину, которой та становилась. За десять лет Надя превратилась в кого-то, кем Грэйс могла гордиться. Не потому, что она была идеальной. А потому, что она была настоящей.

— Ты готова к новой жизни? —

— Я готова оставить старую, —

И в этом ответе было больше смысла, чем в любых словах о будущем. Она не бежала от прошлого — она просто переставала позволять ему определять её. В этом была её сила.

Грузовик подъехал через двадцать минут. Они стояли на крыльце, глядя, как двое грузчиков выносят вещи, которые не могли взять с собой, — мебель, книги, старые фотографии в рамках. Дождь уже кончился, оставив после себя влажный асфальт и запах мокрой листвы.

Надя держала коробку с зайцем в руках, и её глаза, серые, как небо над заливом, смотрели вдаль. Туда, где начиналась дорога к новой жизни.

Она была готова.

— Поехали, — сказала она, и в её голосе не было сомнений. — Нас ждут.

Глава 2. Город, где начинается всё

Город назывался **Вудстоун**. Грэйс выбрала его по карте — и по интуиции, которая редко её подводила. Вудстоун находился в трёхстах милях от портового города, в самом сердце страны, на пересечении нескольких крупных транспортных магистралей. Это был мегаполис с населением под миллион человек — шумный, динамичный, полный контрастов, где рядом с небоскрёбами из стекла и стали стояли старые кварталы с викторианской архитектурой, где парки соседствовали с промышленными зонами, а университетские кампусы — с офисными башнями. Здесь не было моря. Не было запаха соли и мазута. Зато было всё остальное — бесконечное движение, тысячи лиц, сотни историй, которые ждали своего часа.

Вудстоун был городом возможностей. Грэйс знала это, когда выбирала его. Здесь было крупное полицейское управление, современные лаборатории, один из лучших медицинских университетов в стране. Здесь Надя могла получить образование, о котором мечтала. Здесь Грэйс могла продолжить работу детективом, но в условиях, где прошлое не дышало в затылок. Здесь Алекс мог заниматься делами несовершеннолетних и чувствовать, что приносит пользу. Это был их новый дом.

Квартира, которую им выделило управление, находилась в новом жилом комплексе в престижном районе Вудстоуна, недалеко от центра. Это была награда за десятилетие безупречной службы Грэйс — её заслуги перед полицией были настолько значительными, что начальство решило отметить её не просто повышением, а полноценным жильём для всей семьи. Две просторные спальни, большая гостиная с панорамными окнами, современная кухня-столовой, две ванные комнаты и даже небольшой балкон, с которого открывался вид на городской парк. Дом находился в десяти минутах ходьбы от станции метро, в пятнадцати — от колледжа, где предстояло учиться Наде, и в двадцати — от полицейского управления, куда Грэйс и Алекс должны были выходить на работу.

Когда они впервые вошли в квартиру, Надя замерла на пороге и долго смотрела на панорамные окна, за которыми Вудстоун сиял огнями. Вечерний город простирался перед ней, как море огней, бесконечный и манящий.

— Здесь красиво, — сказала она тихо.

— Даже слишком красиво, — усмехнулся Алекс, проходя в гостиную и оглядываясь. — Мы никогда не жили в таких хоромах.

— Теперь будем, — ответила Грэйс, ставя сумку на пол. — Ты заслужил, Алекс. Мы все заслужили.

Надя выбрала комнату, которая выходила окнами на парк. Она была просторной, с высоким потолком и встроенным шкафом. В комнате стояла удобная кровать, письменный стол у окна и книжный стеллаж. Надя поставила на подоконник маленький горшок с кактусом —

единственное растение, которое выживало в её комнатах, — и прикрепила на стену над кроватью карту звёздного неба. Ту самую, из навигационного училища, которая когда-то принадлежала отцу Грэйс.

— Ты как, справляешься? — в дверях появился Алекс.

— Да, — ответила Надя. — Почти закончила.

— Отлично. Мама зовёт ужинать. Говорит, что её фирменное карри будет готово через полчаса.

Надя усмехнулась.

— Фирменное карри... Она его раз в год делает. И каждый раз говорит, что это её фирменное.

— Это традиция, — улыбнулся Алекс. — Не спорь с традициями.

Он подошёл к ней, обнял за плечи. В его объятиях было что-то такое надёжное, что Надя на мгновение закрыла глаза, позволяя себе эту маленькую слабость. Алекс стал её отцом не по крови, а по выбору — и этот выбор был самым правильным, какой только можно было сделать.

— Как ты? — спросил он тихо. — Правда.

Надя помолчала, чувствуя его тепло.

— Хорошо, — ответила она. — Правда.

За ужином на большой кухне пахло пряностями. Грэйс стояла у плиты, помешивая в кастрюле золотистую массу, от которой шёл густой, аппетитный аромат. Она нарезала свежую зелень, добавила ещё щепотку тмина, потом пододвинула к столу тарелку с рисом.

— Садитесь, готово. —

Они сели за большой обеденный стол из светлого дерева, который стоял у окна с видом на парк. Грэйс заняла своё место во главе, откуда ей было видно и мужа, и дочь. В этом была какая-то особая гармония: они сидели в просторной, светлой квартире, которая стала их новым домом, и ужинали как обычная семья. За окнами Вудстоун шумел — где-то вдалеке слышались сирены, гудели машины, но здесь, на девятом этаже, было тихо. Почти идеально тихо.

— Не знаю, как вы, — сказал Алекс, пробуя курицу, — а я уже чувствую себя местным. Пахнет как дома.

— Ты так говорил в каждом городе, где мы жили, — заметила Грэйс, но в её голосе не было осуждения. Только тёплая, привычная ирония.

— Потому что это правда. У тебя есть дар делать любой дом уютным.

Грэйс нахмурилась, но не ответила. Её губы чуть дрогнули — почти улыбка.

Надя ела молча, наслаждаясь вкусом, который знала с детства. Грэйс редко готовила сложные блюда, но это карри было особенным — оно всегда появлялось в важные моменты. Когда Надя пошла в первый класс. Когда она сдала экзамены. Когда она сказала, что хочет стать судмедэкспертом. И вот теперь — когда они переехали в новый город, начинали новую жизнь.

— Знаешь, — сказала Грэйс, откладывая вилку, — я смотрела на расписание в колледже. У тебя завтра первая лекция по анатомии. Ты готова?

— Готова, — ответила Надя. — Я готовилась всё лето. Читала учебник, делала заметки.

— Ты уверена, что хочешь именно это? — спросила Грэйс, и в её голосе промелькнула тень старого беспокойства. — Ещё не поздно передумать. Выбрать что-то другое. Медицину. Или даже искусство — ты же хорошо рисуешь.

Надя посмотрела на мать. Она знала этот разговор. Он повторялся уже несколько раз — в разных вариациях, с разными интонациями, но суть оставалась одной и той же: Грэйс боялась, что дочь уйдёт слишком далеко в мир, который она не сможет контролировать. Что она снова будет в опасности. Что она потеряет ту, кого любит больше всего. Старые раны не заживают полностью — они просто перестают болеть при хорошей погоде.

— Мам, — сказала Надя, и её голос был ровным, как всегда. — Мы уже это обсуждали. Я хочу помогать людям. Но я не хочу быть на передовой. Я хочу быть там, где могу найти

правду, не рискуя жизнью. За уликами. За доказательствами. Я хочу быть голосом для тех, кто уже не может говорить.

Грэйс вздохнула. Она знала, что дочь права, знала, что не сможет защитить её от всего мира, что когда-то Наде придётся идти своим путём. Но материнское сердце не умело отключать тревогу.

— Я знаю, я просто... я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Она будет в безопасности, — вмешался Алекс. — Судмедэксперты не гонятся за преступниками. Они работают в лабораториях. Изучают ткани. Пишут отчёты. Это же практически библиотека, только с трупами.

Надя фыркнула.

— Спасибо за аналогию, пап.

— Всегда пожалуйста.

Грэйс покачала головой, но в её глазах уже зажглась та искорка, которая появлялась, когда она сдавалась, признавая, что дочь права. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на Надю — на её короткие чёрные волосы, на серьёзные глаза, на то, как она держала вилку, как сидела, слегка наклонив голову, слушая. В этой девушке было что-то от Грэйс — и в то же время что-то совершенно своё, уникальное.

— Ты станешь лучшим криминалистом этого города, — сказала Грэйс, и в голосе её не было сомнения. — Вудстоун ещё не знает, кто к нему приехал.

Надя улыбнулась — коротко, почти незаметно, но Грэйс увидела эту улыбку и почувствовала, как на душе становится теплее.

— Я постараюсь, мам, — ответила Надя.

После ужина они долго сидели на кухне, пили чай с печеньем, говорили о планах. Грэйс рассказывала о своём новом участке — отделе убийств при полиции Вудстоуна, который был намного крупнее, чем в портовом городе, и работал с более сложными делами. Начальник отдела, капитан Уилсон, производил впечатление строгого, но справедливого профессионала. Алекс должен был работать в том же управлении, но в отделе по делам несовершеннолетних — он всегда тяготел к детям, к защите тех, кто не мог защитить себя сам.

— А ты, — Грэйс повернулась к Наде, — завтра у тебя первый день в колледже. Всё готово?

— Готово, я уже проверила расписание, нашла аудитории. Всё под контролем.

— Тогда не забудь поесть нормально утром. И не опаздывай.

— Мам, — Надя закатила глаза, но в её голосе не было раздражения. — Я никогда не опаздываю.

— Я знаю. Просто напоминаю.

Они ещё посидели немного, потом разошлись по комнатам. Алекс пожелал всем спокойной ночи и ушёл в спальню, Грэйс задержалась в гостиной, постояла у панорамного окна, глядя на ночной Вудстоун, на огни, которые мерцали внизу, как звёзды, упавшие на землю.

— Мам, — Надя остановилась в дверях, обернулась. — Ты идёшь?

— Иду, — ответила Грэйс, отворачиваясь от окна. — Завтра важный день.

Она подошла к дочери, остановилась рядом у её двери. Посмотрела на Надю — в её серые глаза, в мягкие, но решительные черты лица. За десять лет Надя стала выше, сильнее, взрослее. Но в ней всё ещё была та девочка, которую Грэйс спасла на рыбной фабрике. Та девочка, которая не говорила, но умела слушать.

— Ты молодец, не забывай этого.

— Я стараюсь.

Они обнялись. Недолго, но крепко. Потом Надя ушла в свою комнату и закрыла дверь. Грэйс постояла ещё минуту, слушая, как дочь возится, — шорох одежды, звук открываемого шкафа, потом щелчок выключателя. И тишина.

Утро Вудстоуна начиналось рано. Надя проснулась оттого, что солнце заливало комнату через большие окна — золотистые лучи проникали сквозь лёгкие шторы, рисуя на стенах узоры из света и тени. Она села на кровати, потянулась, посмотрела в окно. Парк внизу был зелёным, деревья стояли в утренней росе, а где-то вдалеке уже слышался гул города — машин, поездов, голосов.

Надя выбрала свой обычный наряд: чёрные джинсы, свободная чёрная футболка с потёртым воротом, лёгкая чёрная куртка и высокие ботинки на грубой подошве. Короткие волосы она взлохматила пальцами, поправила пряди, оглядела себя в зеркало. Серые глаза смотрели на неё с привычной серьёзностью. В них не было страха. Только предвкушение.

Завтрак был быстрым — тосты с маслом, чай, несколько минут молчания, пока Грэйс собиралась в управление, а Алекс искал свои ключи.

— Ты уверена, что хочешь идти пешком? — спросила Грэйс, когда Надя стояла у двери.
— Метро быстрее.

— Я хочу увидеть город. Пройтись. Запомнить дорогу.

— Тогда будь осторожна.

— Я всегда осторожна, мам.

Грэйс подошла и поцеловала дочь в лоб.

— Удачи.

Надя вышла из дома. Вудстоун встретил её свежим утренним воздухом, запахом кофе из уличных киосков, голосами прохожих, шумом машин. Город был огромным, живым, дышащим. Надя шла не спеша, вглядываясь в витрины, в лица, в архитектуру, в то, как свет падает на стены старых зданий. Она хотела запомнить каждый уголок этого города, потому что он становился её домом.

Колледж оказался в центре, в старом университетском квартале. Здание было большим — из красного кирпича, с белыми колоннами и широкой лестницей у входа. Перед ним был разбит газон, где студенты сидели на траве с книгами или ноутбуками. Надя вошла внутрь. В холле было светло, пахло кофе, мелом и бумагой. Она нашла расписание на доске объявлений, поднялась на второй этаж и вошла в аудиторию 217.

В аудитории уже сидело около тридцати человек. Надя выбрала место у окна, откуда было видно и доску, и весь кабинет. Рядом сидела девушка с длинными рыжими волосами, собранными в высокий хвост, и веснушчатым лицом. Она улыбнулась Наде, когда та села:

— Привет! Ты новенькая? Я тебя не видела на вводных занятиях.

— Я приехала только вчера. Надя.

— Клэр, — девушка протянула руку. — А я здесь с первого курса, но перевелась с биохимии. Решила, что хочу быть полезнее.

— Я собираюсь стать судмедэкспертом.

Клэр засмеялась — одобрительно, без злобы.

— Ну ты и выбрала, подруга. Это же трупы, вскрытия, запах формалина... Тебя не пугает?

Надя на мгновение задумалась. Она вспомнила рыбацкую фабрику, вспомнила тело Элис на половике, вспомнила свою настоящую мать. Эти картины были с ней десять лет, и они не вызывали у неё страха. Только боль — тупую, ноющую, как старая рана.

— Я уже видела смерть, она меня не пугает.

Клэр на мгновение потеряла дар речи, но быстро взяла себя в руки.

— Ладно, — сказала она. — Тогда нам точно будет о чём поговорить.

Рядом с ними сидел парень — высокий, с тёмными кудрями и большими карими глазами. Он слушал их разговор с лёгкой усмешкой.

— Дэвид, — сказал он, протягивая руку Наде. — Я на втором курсе. Ты, смотрю, уже успела напугать Клэр.

— Я никого не пугала, — возразила Надя.

— Ты сказала, что смерть тебя не пугает, — усмехнулся он. — Это круто. Но обычно люди, которые это говорят, либо кино насмотрелись, либо что-то пережили.

— Я пережила, — ответила Надя, не желая развивать тему.

Дэвид на секунду замолчал, затем пожал плечами. Он был из тех людей, которые чувствуют границы и не пытаются их переступить.

— Ну, тогда добро пожаловать в клуб. Здесь все чего-то пережили. Просто не все говорят об этом. Ты любишь анатомию?

— Люблю, — ответила Надя. — Особенно кости.

— О, это хорошо, — усмехнулся Дэвид. — Значит, тебе точно понравится профессор Холлоуэй. Он тоже любит кости. Прямо одержим.

Клэр фыркнула.

— Не слушай его. Он просто хочет казаться крутым.

— Я и так крутой, — возразил Дэвид с притворной обидой.

Надя слушала их, чувствуя, как напряжение, которое держалось в ней всё утро, начинает отпускать. Эти двое были простыми, открытыми, настоящими. Они не пытались что-то скрыть, не оценивали её холодным взглядом. Они просто были собой. И Надя поняла, что здесь, в этом новом городе, в этом новом колледже, она может начать всё заново.

Профессор Холлоуэй вошёл в аудиторию ровно в девять. Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, подтянутый, с короткой седой стрижкой и очками в тонкой металлической оправе. Его голос был глубоким, спокойным.

— Доброе утро, я профессор Холлоуэй, и этот курс — «Основы судебной медицины». Мы будем изучать, как тело человека может рассказать историю. Не живую — мёртвую. Как травмы, болезни и время оставляют свои следы. Как читать эти следы. Как быть голосом для тех, кто уже не может говорить.

Надя слушала, почти не дыша, и делала заметки — аккуратно, разборчиво. Рядом с ней Дэвид записывал что-то в планшете, а Клэр рисовала схемы в тетради.

Когда лекция закончилась, профессор сказал:

— На следующем занятии мы начнём работу с практическими материалами. Принесите защитную одежду.

— Лаборатория, — тихо сказала Клэр, поворачиваясь к Наде. — Это страшно.

— Это здорово.

Они вышли из аудитории вместе. Дэвид догнал их в коридоре.

— Слушай, — сказал он Наде, — мы с Клэр и ещё ребята собираемся сегодня в кафе. Хочешь присоединиться? Познакомишься с остальными.

Надя задумалась на мгновение. Она не привыкла к компаниям — но здесь, в этом новом городе, в этой новой жизни, она решила попробовать.

— Хорошо, я приду.

Дэвид улыбнулся.

— Отлично. Тогда после третьей пары. Я покажу, где это.

Вечером, когда Надя вернулась домой, Грэйс и Алекс уже ждали её. На столе стояла горячая паста, и в квартире пахло уютом.

— Ну как? — спросила Грэйс.

— Хорошо, — ответила Надя, снимая куртку. — Очень хорошо. Я познакомилась с ребятами. Мы после занятий ходили в кафе.

Грэйс посмотрела на неё с лёгким удивлением.

— Ты ходила в кафе? С новыми знакомыми?

— Да, — Надя слегка смутилась. — Они нормальные. Дэвид и Клэр. И ещё пара ребят. Алекс одобрительно кивнул.

— Смотри-ка, наша дочь заводит друзей. Я начинаю верить, что Вудстоун нам подходит. Надя улыбнулась, села за стол. За окнами горел вечерний город, такой огромный, такой новый, такой полный надежд.

— Я хочу остаться здесь. Я хочу, чтобы это стало нашим домом.

Грэйс положила руку на её плечо.

— Так и будет. Так и будет.

Глава 3. Ужин, который становится допросом

Грэйс положила руку на плечо Нади.

— Так и будет. Так и будет.

Надя поднялась из-за стола, улыбнувшись про себя. Вечерний Вудстоун сиял за панорамными окнами, и этот свет казался ей обещанием, которое город давал ей лично. Она прошла в свою комнату, бросила рюкзак у кровати и на мгновение задержалась у окна, глядя на парк, тонущий в сумерках. Деревья стояли тихо, как стражи, а вдалеке, за их верхушками, мерцали огни города — такие же живые, как и она сама.

Через несколько минут Грэйс позвала её ужинать. Надя спустилась на кухню, где уже дымилась паста с морепродуктами, стоял салат и графин с водой. Грэйс хлопотала у плиты, а Алекс разливал по бокалам красное вино для себя и Грэйс и апельсиновый сок для Нади.

— Садись, — сказала Грэйс, когда Надя села за стол. — Рассказывай. Как прошёл твой день?

— Хорошо. —

Грэйс обменялась взглядом с Алексом. Тот едва заметно ухмыльнулся и поднял бровь, как бы спрашивая: «Ну что, начинаем?»

— Дэвид, значит, — протянул Алекс, отпивая вино. — И что же он собой представляет? Высокий? Низкий? Умный? Глаза какого цвета?

Надя подавила вздох и с трудом удержалась от того, чтобы не закатить глаза. Она знала этот тон — Алекс входил в роль заботливого отца, который «просто интересуется». Но на самом деле это был допрос в мягкой обёртке.

— Он... просто друг, — ответила Надя, стараясь говорить как можно нейтральнее. — Мы разговаривали о учёбе. О костях. Он нормальный парень.

— О костях, — повторил Алекс с таким видом, будто это было самое романтичное, что он слышал в жизни. — Ну да, кости — это основа любых отношений.

— Пап! — Надя почувствовала, как к щекам приливает тепло. — Мы просто учимся вместе!

— А я что сказал? — Алекс притворно удивился, обращаясь к Грэйс. — Я ничего плохого не сказал. Я просто спросил, какой у него цвет глаз. Детали важны, Наденька. Запомни: глаза — зеркало души.

— У него карие глаза, — выпалила Надя, понимая, что попала в ловушку. — Но это не значит, что я...

— Карие, — перебил Алекс, обращаясь к Грэйс. — Ты слышишь, дорогая? Карие глаза. Это серьёзно. Глаза цвета шоколада. Очень романтично.

— Алекс, прекрати, — сказала Грэйс, но в её голосе слышалась плохо скрытая усмешка. Она явно наслаждалась представлением. — Дай девочке поесть.

— Я просто рад, что она заводит друзей, — сказал Алекс с самым невинным видом. — И если этот Дэвид окажется хорошим парнем, я буду рад его видеть здесь. Правда. Я даже могу приготовить свой фирменный стейк.

Надя с трудом удержалась от того, чтобы не бросить в него вилкой. Она знала, что Алекс шутит, но этот его «отеческий» юмор действовал ей на нервы.

— Никто не собирается никого сюда приводить, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я пришла учиться, а не...

— А не влюбляться? — подхватил Алекс с озорным блеском в глазах. — Ну, знаешь, в семнадцать лет это вполне нормально. Я сам в семнадцать был влюблён в учительницу литературы.

— И что, она ответила взаимностью? — язвительно спросила Надя.

— Нет, но она поставила мне пятёрку за сочинение, — усмехнулся Алекс. — Так что это была полезная любовь.

Грэйс фыркнула в бокал, пытаясь скрыть смех. Надя закрыла лицо руками.

— Вы невыносимы, — сказала она, но в голосе её уже не было злобы. Только усталое веселье.

— Это наша работа, — ответила Грэйс, положив руку на плечо дочери. — Мы обязаны быть невыносимыми. Но если серьёзно: мы рады, что у тебя появились друзья. Ты знаешь, что мы всегда поддержим тебя.

Надя опустила руки и посмотрела на мать. В её глазах горел тёплый свет, который Надя видела только в самые важные моменты их жизни.

— Я знаю, мам. Спасибо.

Ужин продолжился в более спокойной атмосфере. Алекс в шутку спросил, «не будет ли Дэвид ухаживать за дочкой с букетом из рёбер», и Надя закатила глаза, но не удержалась от улыбки. Грэйс говорила о своём новом отделе, о капитане Уилсоне, о делах, которые ждали её завтра. Надя слушала вполуха, наслаждаясь теплом этого момента — тем ощущением дома, которое она так долго искала.

После ужина Надя помогла убрать со стола, а затем поднялась к себе. Она села на кровать, глядя в окно на ночной парк. Мысли её были далеко — в сегодняшнем дне, где она впервые за долгое время почувствовала себя частью чего-то большего. Чизкейк, разговоры, смех — это было то, чего ей не хватало в портовом городе.

Она заснула с улыбкой на губах.

На следующее утро Надя проснулась с твёрдым ощущением, что этот день станет важным. Солнце не пробивалось сквозь шторы — небо было серым, как в её старом городе, но здесь этот цвет не давил, не напоминал о прошлом. Он просто был — как холст, на котором город писал свои истории.

Завтрак прошёл быстро. Грэйс уже уехала в управление — её ждало новое дело, она говорила об этом вчера вечером коротко, но в голосе её слышалось напряжение. Алекс задерживался на кухне, пытаясь найти свои ключи, которые, как обычно, «сами» переместились на полку под телевизором.

— Удачи, пап, — сказала Надя, надевая куртку.

— И тебе, дочка, — ответил он, наконец извлекая ключи из-под пульта. — Будь осторожна.

— Я всегда осторожна, — улыбнулась Надя и вышла из дома.

В колледже она встретила Клэр и Дэвида у входа. Клэр выглядела взволнованной: сегодня была первая настоящая практика по анатомии.

— Я не выспалась, — призналась она, зевая. — Всю ночь думала о том, как буду трогать кости. Что, если я упаду в обморок?

— Ты не упадёшь..

— У тебя есть дар подбадривать, — усмехнулся Дэвид. — Или ты просто не умеешь бояться?

— Я умею бояться. Просто я не позволяю этому управлять мной.

В лаборатории пахло формалином, хлоркой и чем-то ещё медицинским, стерильным. Профессор Холлоуэй уже ждал студентов в центре зала, рядом с длинным столом, накрытым клеёнкой.

— Сегодня никакой теории, — сказал он, потирая руки. — Только практика. Каждый из вас получит набор костей. Ваша задача — собрать из них нижнюю конечность человека.

Учитывайте суставы, правильное положение, особенности крепления. Работаете в парах. У вас сорок минут.

Надя оказалась в паре с Дэвидом. Он усмехнулся, когда она села напротив него:

— Ну что, будем собирать человека?

— Будем собирать ногу, — поправила Надя, уже изучая кости, разложенные перед ними.

— И постарайся не перепутать берцовую и малоберцовую.

— Эй, я не такой уж и тупой, — возмутился Дэвид, но в глазах его плясали смешинки.

— Я знаю анатомию. Правда, в основном по сериалам. Там всегда показывают скелеты.

— Сериалы часто врут, — заметила Надя, беря в руки бедренную кость. — В настоящем теле она идёт вот так, под углом. Смотри.

Она начала собирать конструкцию с лёгкостью, которая удивила Дэвида. Каждое движение было точным, уверенным, будто она делала это сотни раз.

— Ты где так научилась? — спросил он, следя за её руками.

— Читала много книг, и у меня хорошая память на детали.

— Ты врёшь, — сказал Дэвид спокойно, без обвинения. — Такое не выучивают по книгам. Это практика. Ты делала это раньше.

Надя замерла на мгновение. Дэвид смотрел на неё с искренним любопытством, без осуждения, и ей стало трудно солгать.

— Я помогала маме. Она детектив. Иногда она приносила домой отчёты и фотографии с мест преступлений. Я смотрела на них. Хотела понять, как работает тело. Как его можно сломать. Как восстановить правду по кусочкам.

Дэвид кивнул, словно понял что-то важное.

— Это необычно, но тебе подходит.

Они закончили на пятнадцать минут раньше срока. Профессор Холлоуэй проверил их работу и одобрительно хмыкнул:

— Отлично, Уэллс. Настоящий профессионализм. Вы нашли призвание.

Надя сдержала улыбку, но внутри всё ликовало.

После анатомии были ещё три пары: гистология, основы биохимии и физкультура. Надя не любила физкультуру — в школе она всегда старалась отсидеться в углу. Но здесь программа была другой: вместо бега и прыжков — самооборона. Преподаватель, коренастый мужчина с короткой стрижкой и татуировкой на предплечье, объяснял студентам базовые приёмы.

— В этой жизни никогда не знаешь, где и когда тебе придётся защищаться, — говорил он, расхаживая по залу. — Вам повезло — вы учитесь на криминалистике. Но опасность может подстергать любого. Поэтому сегодня мы отработаем базовые захваты. Разбиваемся на пары.

Надя оглядела зал. Клэр уже стояла с высокой блондинкой, Дэвид — с парнем с рыжими волосами. Оставалась она и один парень — высокий, широкоплечий, со светлыми волосами и наглым взглядом. Его звали Пирс, она слышала его фамилию на лекциях, когда он позволял себе громкие шутки.

— Ты, — преподаватель указал на Пирса. — Будешь в паре с ней. — Он кивнул на Надю.

Пирс скривился:

— Что? С девушкой? Она же хрупкая, я её сломаю.

— Во-первых, я не хрупкая, — сказала Надя ледяным голосом. — Во-вторых, если ты боишься, что я тебя сломаю, можешь уступить место кому-нибудь другому.

В зале повисла тишина. Пирс уставился на неё, не веря своим ушам. Преподаватель усмехнулся:

— Она права. Никогда нельзя предположить, против кого тебе придётся защищаться. И если она, по-твоему, хрупкая, то ты, видимо, не очень уверен в себе. Встань в пару и работай, Пирс. Без разговоров.

Пирс хмыкнул, но подошёл. Он встал напротив Нади, сложив руки на груди:

— Ладно. Но я буду легонько. Не хочу, чтобы ты плакала.

— Не плачь сам.

Преподаватель дал команду начинать. Пирс шагнул вперёд, намереваясь схватить её за запястье — медленно, небрежно, будто играя. Но Надя не стала ждать. Она сделала резкий шаг в сторону, перехватила его руку, развернулась и, используя его же инерцию, бросила его на мат. Всё произошло за две секунды. Пирс рухнул на спину, хлопнув ладонями по настилу, и устоялся в потолок с выражением абсолютного шока.

В зале воцарилась мёртвая тишина.

Надя стояла над ним, даже не запыхавшись. Её лицо оставалось спокойным, будто она только что поправила учебник на полке.

— Что... Как ты...

— Я занимаюсь самообороной с двенадцати лет, — ответила Надя, протягивая ему руку, чтобы помочь встать. — Моя мама решила, что в опасном городе девочке стоит уметь постоять за себя. За пять лет я многому научилась.

Преподаватель подошёл к ним, и на его лице читалось неподдельное уважение.

— Отлично, Уэллс. Настоящий профессионализм. Пирс, запомни: никогда не суди о противнике по внешности. А ты, — он повернулся к Наде, — вижу, ты умеешь удивлять.

Клэр смотрела на Надю с открытым ртом. Дэвид усмехнулся и покачал головой:

— Я знал, что ты особенная, но чтобы так... — он присвистнул.

Надя слегка улыбнулась, но в душе её разливалась тёплая волна. Она не хотела никого унижать, но чувство, что она может защитить себя, было бесценным. Это дала ей Грэйс — и она была благодарна.

Тем временем в полицейском управлении Вудстоуна день начинался с привычного хаоса. Грэйс вошла в здание в семь утра, когда город ещё только просыпался. Кофе в пластиковом стаканчике был её единственным оружием против сонливости. Она прошла в отдел убийств, где уже кипела работа.

Капитан Уилсон, высокий мужчина с седеющими висками и жёсткими глазами ветерана, встретил её у входа:

— Уэллс, ты вовремя. У нас новое дело. Убийство в старом портовом районе. Жертва — мужчина, лет сорока, без документов. Нашли сегодня утром в переулке. Судя по всему, удар ножом в сердце. Оружие не нашли.

— Есть свидетели? — спросила Грэйс, ставя кофе на стол и беря папку с первичными отчётами.

— Ни одного. Район глухой, камеры почти нет. Займись этим. И будь осторожна, — Уилсон понизил голос. — Говорят, там орудуют не только бандиты. Слышала про «Капюшона»?

Грэйс нахмурилась:

— Это тот линчеватель, о котором говорят в новостях?

— Он самый. Кто-то из информаторов сказал, что он в последнее время крутится в тех местах. Не лезь к нему, Уэллс. Он не наш союзник.

Грэйс кивнула, но внутри неё уже закипало любопытство. Она слышала о «Капюшоне» — фигуре, окутанной легендами, который действовал в городе последние пару лет. Одни говорили, что он убийца, другие — что он герой, который вершит правосудие там, где закон бессилен. Но для Грэйс он был преступником. И она собиралась доказать это.

Алекс, тем временем, сидел в отделе по делам несовершеннолетних. С утра к нему привели троих подростков, устроивших драку с поножовщиной в школьном дворе. Один из них, мальчик лет пятнадцати с синяком под глазом, сидел и молчал, глядя в пол.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Алекс, пододвигая к нему стакан с водой. — Я не враг. Я здесь, чтобы помочь.

Подросток поднял на него затравленный взгляд.

— Мне никто не поможет. Меня даже мать бросила.

Алекс почувствовал, как внутри закипает привычная боль — он видел таких детей сотни раз. И каждый раз ему хотелось обнять их и сказать, что мир не чёрный, что есть выход. Он вздохнул и сел напротив мальчика.

— Ты ошибаешься. Я здесь. И я не уйду, пока ты не расскажешь мне, что случилось.

Работа затянулась до вечера. Грэйс и Алекс задержались в управлении допоздна — у них было столько бумаг, что стулья казались утопающими в папках. В десять вечера Грэйс наконец поднялась из-за стола:

— Алекс, я на выезд. Приехал звонок — нашли тело в переулке. Это срочно.

— Я с тобой, — сказал Алекс, но Грэйс остановила его жестом:

— Оставайся. Доделай отчёты. Я справлюсь.

— Будь осторожна, — сказал он, и в голосе его слышалось беспокойство. — Ты слышала про «Капюшона»?

— Слышала, — ответила Грэйс, надевая куртку. — Но он меня не остановит.

Она выехала на место преступления в сопровождении двух патрульных. Район был старым, заброшенным — склады, ржавые ворота, запах сырости и мазута. Тело лежало в переулке, у мусорного бака. Мужчина, лет сорока, в дешёвом пальто, с ножевой раной в груди. Грэйс присела на корточки, осматривая тело. Вокруг были следы борьбы — перевёрнутый ящик, разбитая бутылка, лужа воды.

— Что у нас здесь? — спросила она у патрульного.

— Ничего, детектив. Ни документов, ни свидетелей. Но есть странность, — патрульный указал на стену. — Посмотрите.

Грэйс подошла ближе и увидела на стене, на уровне глаз, чёткую тень от верёвки. Следы были свежими. Кто-то забирался на крышу, и этот кто-то был здесь совсем недавно. Она подняла голову и увидела силуэт на крыше — человека в чёрном плаще с капюшоном, который стоял на краю, глядя вниз, словно проверяя, как полиция справляется с его работой.

Грэйс замерла. Сердце забило быстрее. Она инстинктивно потянулась к кобуре, но патрульный остановил её:

— Не надо, детектив. Он всегда исчезает. Без следа. Мы пытались поймать его, но он как тень.

Грэйс посмотрела вверх. Фигура в капюшоне сделала шаг назад, и Грэйс показалось, что она видит блеск стали — возможно, нож, возможно, что-то другое. А затем она исчезла. Как и говорил патрульный — бесшумно, будто растворилась в воздухе.

— «Капюшон», — выдохнула Грэйс. Она вернулась в машину, дрожа от внезапного холода. Всё внутри неё кричало: «Он был здесь. Он видел меня. И он ушёл».

Когда она вернулась в управление, капитан Уилсон уже ждал её с чашкой кофе в руке.

— Уэллс, я слышал, ты видела его.

— Да, — Грэйс села за стол, не в силах скрыть волнение. — Он был на крыше. Он следил за нами. Кто он, капитан? Кто этот «Капюшон»?

Уилсон вздохнул и поставил чашку.

— Мы зовём его «Капюшон», — сказал он медленно. — Он появился здесь около двух лет назад. Начинал как линчеватель — убивал убийц, насильников, торговцев людьми. Говорят, он был солдатом, потом стал наёмником, а потом у него что-то случилось. Он потерял кого-то близкого. С тех пор он вершит своё правосудие. Он помогает городу — да, многие преступники боятся его, многие дела закрываются без нашего участия. Но, Уэллс, он убивает.

Да, в крайних случаях, но убийство есть убийство. Он должен понести наказание. Законы для всех одинаковы.

— Но вы его не поймали..

— Потому что он умён, — признал Уилсон. — У него есть информаторы, он знает город лучше нас, и он исчезает, как призрак. Но мы ищем его. Ты будешь заниматься этим делом. Официально — убийство в портовом районе. Неофициально — мы должны найти «Капюшона». Он перешёл черту.

Грэйс кивнула, чувствуя, как внутри её закипает азарт. Она не знала, кем был этот человек в чёрном, но она знала одно: он был преступником, и она найдёт его. Даже если это займёт годы.

Она вернулась домой поздно ночью. Алекс уже ждал её, сидя на кухне с чашкой чая. Он взглянул на её лицо и сразу понял, что произошло.

— Ты видела его?.

— Да, — ответила Грэйс, снимая пальто. — «Капюшона». Он был на крыше. Он смотрел на нас.

— О чём ты думаешь?

— О том, — Грэйс посмотрела на мужа, и в глазах её горел холодный огонь, — что он не остановится. И я тоже не останавлиюсь.

В этот момент в гостиной зажёгся свет. Надя стояла в дверях своей комнаты, сонная, в старой футболке.

— Мам? Ты вернулась? — она зевнула. — Что случилось?

Грэйс посмотрела на дочь и на мгновение заколебалась. Она не хотела пугать Надю, но та уже была взрослой, и ложь была бы хуже правды.

— На работе было дело, видела «Капюшона». Это линчеватель, о котором говорят в новостях. Он был на месте преступления.

Надя нахмурилась, и в её глазах мелькнула тревога.

— Он опасен?

— Он опасен. Но я справлюсь. Это моя работа.

Надя подошла к матери и обняла её — крепко, как делала в детстве, когда боялась темноты.

— Будь осторожна, мам, — прошептала она.

— Я всегда осторожна, — ответила Грэйс, и в её голосе звучала та же стальная уверенность, которую Надя видела в ней все эти годы. — Мы справимся. Все вместе.

За окнами Вудстоун сиял огнями, скрывая в своих тенях тайны, которые ещё предстояло раскрыть.

Глава 4. Тени прошлого и новые горизонты

Надя проснулась с мыслями о вчерашнем разговоре. «Капюшон». Она слышала о нём только в новостях, но одно дело — видеть по телевизору, и совсем другое — знать, что мать охотится за ним. Внутри неё закипало беспокойство, но она подавила его. Она верила в Грэйс.

День в колледже прошёл спокойно. После вчерашней практики и эпизода на физкультуре Надя чувствовала себя увереннее. Клэр и Дэвид встречали её улыбками, а Пирс, которого она бросила на мат, старался держаться подальше.

— Ты героиня дня, — сказала Клэр, когда они сидели в кафе после занятий. — Весь курс только о тебе и говорит.

— Не преувеличивай, — ответила Надя, смущаясь.

— Я серьёзно! — настаивала Клэр. — Ты его положила за две секунды! Я никогда не видела ничего подобного.

— У меня была хорошая учительница, — сказала Надя тихо, думая о Грэйс.

Дэвид сидел напротив и улыбался, но в его глазах Надя видела что-то ещё — уважение, восхищение. И, возможно, что-то большее, о чём она не хотела думать. Она отвела взгляд и сделала глоток чая.

Вечером, вернувшись домой, она застала Грэйс на кухне. Та сидела с папкой в руках, на столе была разложена карта портового района.

— Ты всё ещё работаешь? — спросила Надя, ставя сумку.

— Да, — ответила Грэйс, не поднимая головы. — У меня есть теория, куда он может направиться дальше. Если я права, то следующая жертва — один из торговцев оружием.

— Ты уверена, что это он? Может, это просто убийство?

Грэйс подняла глаза, и в них горел холодный свет:

— Я знаю, что это он. Стиль тот же, почерк тот же. И он оставляет послания. Ты видела, что он написал на стене рядом с телом? «Вор должен ответить».

Надя почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Это как-то связано с тобой? — спросила она осторожно.

— Пока нет, но я не собираюсь ждать, пока станет связано.

В этот момент на кухню вошёл Алекс, разминая затёкшую шею.

— Я слышал ваш разговор. Грэйс, ты уверена, что стоишь на правильном пути? Может, он просто маньяк, который прикрывается правосудием?

— Может быть, — согласилась Грэйс. — Но я должна найти его, чтобы это выяснить. Это моя работа.

Она закрыла папку и встала.

— Спокойной ночи, — сказала она, целуя Алекса в щёку и сжимая плечо Нади. — Завтра будет долгий день.

Надя осталась сидеть на кухне, глядя на закрытую папку. Внутри неё закипало любопытство, смешанное с тревогой. Она чувствовала, что «Капюшон» — это не просто линчеватель. Он был частью чего-то большего, что вот-вот должно было изменить их жизни.

Глава 5. Тень над городом

Прошло две недели. Грэйс работала как одержимая — она изучала старые дела, искала связи, допрашивала информаторов. «Капюшон» стал её навязчивой идеей. Но каждый раз, когда она приближалась к разгадке, он ускользал — оставлял ложный след, пустой склад, очередное тело.

Алекс, между тем, продолжал работать с подростками. Один из них, тот самый мальчик с синяком под глазом, начал открываться ему. Его звали Кевин, и его мать действительно бросила его, когда ему было тринадцать. Он жил на улице, пока его не поймала полиция за попытку ограбления. Алекс чувствовал, что в этом мальчике есть что-то большее, чем просто злость — отчаяние, жажда любви, страх.

— Я хочу помочь тебе, Кевин. Но для этого ты должен рассказать мне правду.

Кевин молчал долго, глядя в пол. Потом поднял глаза:

— Вы знаете «Капюшона»? — спросил он внезапно.

Алекс замер.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он меня нашёл. Неделю назад. Он сказал, что я должен перестать воровать. Что я должен найти другой путь. Что он будет следить за мной. Я испугался, мистер Уэллс. Он — тень. Но он не злой. Я чувствую. Он помог мне.

Алекс почувствовал, как внутри разрастается странное чувство. «Капюшон» уже добрался до его подопечных. Это была не случайность.

Вечером он рассказал Грэйс о разговоре. Она сидела за столом, глядя на карту, и её лицо было бледным.

— Он везде. Он не просто убивает. Он спасает. И это пугает меня больше, чем его нож.

— Может, он прав? Может, он делает то, что мы не можем?

— Нет, — ответила Грэйс твёрдо. — Мы — закон. Мы должны действовать по правилам. А он — нарушитель. И я его найду.

Она встала из-за стола и подошла к окну. За стеклом Вудстоун сиял огнями, но она знала, что в его тених прячется тот, кого она должна остановить. Она сжала кулаки и прошептала:

— Я найду тебя, Капюшон. Кем бы ты ни был.

Глава 6. Студенческие будни и тени города

Три недели пролетели как один день. Вудстоун жил своей жизнью — шумной, быстрой, многоликой. Надя привыкла к ритму города: утренние лекции, обеденные перерывы в кафе с Клэр и Дэвидом, вечерние часы за учебниками в своей комнате. Она чувствовала себя почти счастливой — впервые за долгое время.

Учёба давалась ей легко, но не потому, что она была гениальной, а потому, что она работала как одержимая. Надя вставала в шесть утра, чтобы успеть повторить материал перед лекциями. Она заполняла тетради аккуратным почерком, выделяя главное разными цветами. На кухонном столе в их квартире всегда лежал её учебник по анатомии — она перечитывала его за завтраком, пока Грэйс пила кофе, а Алекс пытался найти свои ключи.

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? — спросила как-то Грэйс, заметив, что Надя сидит над конспектами уже третий час подряд, хотя за окном уже давно стемнело.

— Отдых — это когда я сплю, — ответила Надя, не отрываясь от книги. — А пока я бодрствую, я хочу быть полезной.

Грэйс покачала головой, но в глазах её читалась гордость. Она знала, что Надя пытается доказать самой себе, что она способна на большее. Что портовый город, рыбацкая фабрика и та ночь, когда Грэйс спасла её, — это лишь страница в книге, а не вся книга целиком.

Домашние задания были у Нади, как у всех студентов, — порой скучными, порой интересными. Она писала рефераты по биохимии, решала задачи по физиологии, заполняла дневники практик. Иногда она засиживалась до часу ночи, и тогда Алекс приносил ей чай с мёдом, ставил на стол и говорил:

— Не убивай себя, дочка. Завтра тоже будет день.

— Я знаю, пап, — отвечала Надя, но продолжала писать, потому что не могла остановиться.

В колледже её уважали. Профессор Холлоуэй часто ставил её в пример — не потому, что она была лучшей, а потому, что она никогда не сдавалась. Она отвечала на вопросы, когда другие молчали, она поднимала руку, когда никто не хотел. Надя не была отличницей в том смысле, что получала только высшие баллы, — иногда она ошибалась, но ошибки её были результатом смелости, а не небрежности. Она училась на них, и преподаватели это ценили.

— Уэллс, — сказал как-то профессор Холлоуэй после лекции. — Вы, я смотрю, не устаете. Будьте осторожны: отличники часто сторают к концу семестра.

— Я не отличница, — ответила Надя, убирая тетради в рюкзак. — Я просто не люблю откладывать на потом.

— Хороший подход, — усмехнулся профессор. — Держите его. Он вам пригодится.

Надя улыбнулась и вышла из аудитории, где её уже ждали Клэр и Дэвид. Они часто обедали в кафе «Старый свет» — уютном местечке с деревянными столами, книгами на полках и огромными чашками кофе. Здесь они обсуждали лекции, спорили о теориях, смеялись над шутками Дэвида, который любил притворяться, что ничего не понимает, хотя на самом деле был одним из лучших студентов на курсе.

— Слушай, — сказала Клэр, когда они уже заканчивали есть, — тут такое дело... Наша группа через две недели едет на экскурсию в полицейское управление. Нам покажут лабораторию криминалистики. Помнишь, я тебе говорила?

Надя замерла с чашкой в руках.

— В полицейское управление? — переспросила она, чувствуя, как внутри поднимается странное волнение.

— Да, — подтвердил Дэвид. — Профессор Холлоуэй договорился. Мы увидим, как работают эксперты, посмотрим на реальные улики, может быть, даже зайдём в морг, если повезёт.

— Или не повезёт, — фыркнула Клэр. — Я ещё не готова к моргу.

— Я хочу увидеть это своими глазами.

Она не сказала друзьям, что её мама работает в этом управлении. Не потому, что стеснялась, а потому, что не хотела, чтобы к ней относились иначе. Надя хотела быть просто студенткой, а не «дочкой детектива». Но внутри неё уже закипало любопытство: что увидит она в тех лабораториях, о которых Грэйс рассказывала за ужином? Какие инструменты, какие запахи, какие методы работы?

— Кстати, — Клэр откусила кусочек пирога и задумчиво посмотрела на Надю, — ты познакомилась с новым парнем? Тот, что на гистологии сидел сзади?

Надя нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— А, ты про Макса? — она пожала плечами. — Мы разговаривали пару раз. Он хочет стать следователем. Кажется, он нормальный.

— «Нормальный»? — Дэвид приподнял бровь. — Девушка, тебе семнадцать, а ты говоришь о парне как о книге из библиотеки. Скучно.

— Мне не скучно. Он умный. Мы обсуждали методы расследования. Мне понравилось.

Клэр и Дэвид переглянулись, но ничего не сказали. Они уже привыкли к тому, что Надя — странная. Не в плохом смысле, а в том, что она мыслила иначе. Она не влюблялась с первого взгляда, не строила глазки и не обсуждала парней на переменах. Она говорила о фактах, о гипотезах, о том, как можно восстановить картину преступления по крошечным деталям.

Макс появился в их группе неделю назад. Он перевёлся с другого факультета, потому что понял, что хочет работать в полиции — не в лаборатории, а в поле. Следователем. Он был высоким, темноволосым, с серьёзным лицом и внимательными глазами. Они познакомились на лекции по биохимии, когда Надя поправила его в ответе на вопрос профессора. Он не обиделся, а наоборот — после пары подошёл и сказал:

— Спасибо. Я не заметил ошибки. Ты отлично разбираешься.

— Я учусь. Как и все.

— Но не все учатся так хорошо, как ты, — улыбнулся он.

С тех пор они иногда переписывались — обсуждали учёбу, делились новостями. Надя не называла это дружбой, но ей было приятно, что рядом есть кто-то, кто понимает её увлечение. Макс не шутил, не пытался флиртовать, он просто был — серьёзным, внимательным, целеустремлённым.

— Может, он тебе нравится? — спросила Клэр однажды, когда они шли домой.

— Не знаю, — честно ответила Надя. — Я не думала об этом.

— Ты вообще о чём-то думаешь, кроме костей и улик? — усмехнулась Клэр.

— О маме, — сказала Надя, и голос её стал тише. — Она работает над делом того линчевателя. Я волнуюсь.

Клэр замолчала. Она знала, что Надя не любит обсуждать домашнее, но в последние недели напряжение в глазах подруги было слишком заметным.

Тем временем в полицейском управлении Вудстоуна Грэйс Уэллс не находила себе места. Капюшон действовал с пугающей регулярностью. За три недели он успел перекрыть крупную наркосделку в промышленном районе, сорвать две оружейные сделки на окраине города и, что было совсем уж неожиданно, поймать сбежавшего маньяка, который неделю назад сбежал из психиатрической лечебницы на севере штата.

Грэйс выезжала на каждое из этих мест лично. Но каждый раз её встречала одна и та же картина: связанные преступники, разложенные по ящикам оружие или наркотики, и — никаких следов присутствия линчевателя. На месте наркосделки она нашла связанных трёх торговцев, примотанных скотчем к трубам, и ящик с кокаином, аккуратно разложенный на

виду, словно для полиции. На месте, где должен был состояться обмен оружия, — четыре связанных мужчины и два ящика с автоматами.

Но самым странным был случай с маньяком. Его нашли в заброшенном гараже, привязанным к стулу, с запиской, приколотой к его груди: «Верните его туда, где ему место». Маньяк не сопротивлялся, не рычал, а просто сидел и молчал — видимо, Капюшон умел убеждать не только словами.

— Капюшон использовал лук и стрелы в двух случаях, — докладывала Грэйс капитану Уилсону после очередного выезда. — На месте наркосделки одна стрела была воткнута в стену рядом с головой главаря, а на месте поимки маньяка — стрела была заточена в пол в паре сантиметров от его ноги. Это не просто предупреждение. Это демонстрация точности.

— Ты видела его сегодня? — спросил Уилсон, и в голосе его слышалось напряжение.

— Нет, — ответила Грэйс. — Но на месте оружейной сделки... Он был там. Я чувствовала его присутствие. И когда я поднялась на крышу, он уже ушёл.

— Может, он наблюдает за нами? Может, он знает о тебе больше, чем ты о нём.

Грэйс вздрогнула, но промолчала. Она знала, что капитан прав. Капюшон всегда был на шаг впереди.

Глава 7. Встреча на крыше

На следующий день поступила информация о новой оружейной сделке. Склад в старом доке. Грэйс выехала с командой, но, когда они прибыли, преступники уже были в наручниках — связанные и лежащие на полу, а рядом — ящики с оружием, аккуратно запакованные в полиэтилен. Грэйс осмотрела склад, затем, не веря своим глазам, поднялась по ржавой лестнице на крышу.

Он стоял там. На краю крыши — высокий силуэт в чёрном плаще, капюшон надвинут низко, так что видна была только тень от подбородка. Грэйс замерла.

— Стоять! — крикнула она, вытаскивая пистолет. — Полиция! Руки за голову!

Капюшон медленно повернулся к ней. Грэйс увидела — точнее, почувствовала — его взгляд из-под капюшона. Холодный, спокойный, почти усталый.

— Не делай этого, — сказал он, и голос его был низким, глухим, словно он говорил через ткань маски. — Не ищи меня, детектив.

— Ты преступник! — выкрикнула Грэйс, держа пистолет нацеленным на него. — Ты убиваешь! Ты нарушаешь закон!

— Я делаю то, что вы не можете, — ответил он спокойно. — Я защищаю этот город. Ты ищешь не того человека.

— Я ищу тебя. И я тебя поймаю. Кем бы ты ни был.

Капюшон сделал шаг вперёд, и Грэйс напряглась, пальцы на спусковом крючке застыли. Но он не приближался — он просто стоял, глядя на неё.

— Ты не найдёшь меня, детектив, — сказал он. — Потому что я не тот, кого нужно ловить. У тебя есть дочь. Ты знаешь, что такое терять тех, кто дорог. Перестань искать меня. Я не враг.

— Ты убиваешь! — повторила Грэйс, и голос её дрогнул.

— Я убиваю тех, кто заслужил, — ответил он, и в его голосе послышалась странная печаль. — А ты — ты ловишь тех, кто должен сидеть в клетке. Нас не разделяют стены, детектив. Нас разделяет лишь метод.

Он резким движением выхватил стрелу из колчана, прикреплённого к спине, и натянул тетиву. Грэйс не успела даже моргнуть — стрела просвистела в двух миллиметрах от её уха, сорвав прядь волос, и вонзилась в стену позади неё с глухим стуком. Грэйс развернулась, посмотрела на стрелу, торчащую из кирпича, и когда она повернулась обратно, Капюшона уже не было. Исчез, как тень, как дым, как воспоминание о том, чего не было.

— Пряма Бэтмен какой-то, — выругалась Грэйс, опуская пистолет. Сердце её билось где-то в горле, а руки дрожали. Она подошла к стене и с трудом выдернула стрелу из кирпича. На ней не было никаких пометок, никаких следов — только гладкое тёмное древко и острый металлический наконечник.

Она спустилась с крыши, молча села в машину и поехала в управление.. Она не знала, что чувствовала — злость, страх, или странное уважение к тому, кто умел исчезать бесшумно, как призрак.

— Капитан, — сказала Грэйс, войдя в кабинет Уилсона и бросая стрелу на стол. — Я видела его. На этот раз близко.

Уилсон поднял бровь, рассматривая стрелу.

— И что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не искала его. Что он не враг. И что у меня есть дочь, — Грэйс помедлила. — Он знает обо мне больше, чем я о нём. Он знает о Наде.

Уилсон нахмурился.

— Тогда будь осторожна, Уэллс. Если он знает о твоей семье, он может использовать это. Я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я не боюсь его, — сказала Грэйс, но в голосе её не было уверенности.

— Я знаю, что ты не боишься. Но я приказываю тебе: будь осторожна. Не лезь на рожон. Если он хочет говорить — говори. Но не стреляй первая.

Грэйс кивнула, но в душе её кипел протест. Она не привыкла, чтобы кто-то указывал ей, что делать. Но она знала: капитан прав. Капюшон не был обычным преступником. Он был тенью. И чтобы поймать тень, нужно быть либо тенью, либо иметь свет, который её развеет. А у Грэйс был только свет — и он горел в её сердце, в её семье, в её дочери.

Глава 8. Доверие и правда

Алекс тем временем продолжал работать с Кевином. Подросток открывался ему медленно, по крупицам, как старый сундук, который никак не хотел отпираться.

— Мистер Уэллс, — сказал Кевин на очередной встрече, глядя в пол, — я видел его.

— Кого? — насторожился Алекс.

— Капюшона. Он приходил ко мне ещё раз. Прошлой ночью. Я сидел в своём убежище, в старом подвале на юге города. И он пришёл. Он сел напротив и сказал, что я должен учиться. Что у меня есть будущее. Что я не должен заканчивать как мой отец.

Алекс замер.

— Твой отец? — переспросил он. — Что с твоим отцом?

— Он сидит в тюрьме за убийство, — сказал Кевин тихо. — Мне было семь лет, когда его посадили. Он убил человека, который напал на мою мать. Но мать... она не выдержала. Она ушла к другому, а меня оставила. Я вырос на улице. Я не знал, что такое семья, пока вы... пока вы не взяли меня за руку.

Алекс положил руку на плечо мальчика.

— Ты не один, Кевин. Я здесь. Мы разберёмся. Расскажи мне про Капюшона. Что он ещё сказал?

— Он сказал, что я должен сделать правильный выбор, — Кевин поднял глаза, и в них блеснули слёзы. — Он сказал, что иногда правосудие приходит не от закона, а от людей. Он сказал, что я могу быть лучше. Что я могу стать тем, кем я хочу. Он был... он был как отец, которого у меня никогда не было.

Алекс почувствовал, как у него сжалось сердце. Он обнял мальчика, и тот, всхлипывая, прижался к нему.

— Ты будешь в порядке. Я обещаю.

Но внутри него закипала тревога. Капюшон был везде. Он знал о Кевине, знал о Грэйс, знал о Наде. И это пугало.

Вечером Алекс рассказал всё Грэйс. Они сидели на кухне, пили остывший чай, и в голосе Алекса слышалась усталость.

— Он знает о нас больше, чем мы думаем. Он нашёл Кевина. Он дал ему надежду. Грэйс, может быть, он не враг?

— Он убивает, — ответила Грэйс, и голос её был твёрдым. — Я не могу игнорировать это.

— Но он спасает людей, — возразил Алекс. — Он предотвращает преступления. Он делает то, что мы не можем.

— Потому что мы следуем закону. А он его нарушает. Разница есть.

— Иногда закон несправедлив, — тихо сказал Алекс. — Ты знаешь это лучше меня.

Грэйс замолчала. Она знала. Она видела слишком много несправедливости, слишком много людей, которые страдали, потому что закон был медленным или слепым. Но она не могла признать, что Капюшон прав. Это значило бы признать, что вся её жизнь — ошибка.

— Я не могу сдаться. Я детектив. Это моя работа.

Алекс кивнул, но в его глазах Грэйс увидела печаль. Он знал, что она права. Но он также знал, что правда не всегда черно-белая.

Глава 9. Приготовление и волнения

Дни летели. Надя готовилась к экзаменам, хотя до них ещё было далеко, — просто потому, что любила быть готовой ко всему.

Однажды вечером, когда она сидела в гостиной и разбирала конспекты, Грэйс и Алекс вошли в комнату с загадочными лицами. Надя подняла голову и насторожилась.

— Что? —

— Надя, — начала Грэйс, присаживаясь напротив, — через неделю твой день рождения. Тебе исполняется восемнадцать.

Надя замерла. Она почти забыла об этом.

— И что? —

— А то, — вступил Алекс, улыбаясь, — что мы хотим отметить это как следует. Не как в прошлые разы, когда ты говорила, что не хочешь праздника. Ты вырастешь, дочка. И мы хотим, чтобы ты запомнила этот день.

— Мы решили, что устроим ужин втроём. Здесь, дома. Я приготовлю твой любимый яблочный пирог, Алекс пообещал не палить курицу в духовке, и мы просто посидим вместе. Как семья.

Надя смотрела на них, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна. Она никогда не любила дни рождения — в портовом городе они проходили тихо, почти незаметно, потому что Надя не хотела праздника. Она боялась, что счастье — это ловушка, что за ним придёт боль. Но здесь, в Вудстоуне, в этой новой жизни, она начала верить, что счастье может быть просто — тихим, спокойным, настоящим.

— Хорошо, — сказала она, и голос её чуть дрогнул. — Я хочу, чтобы мы были вместе.

Грэйс улыбнулась и обняла её.

— Мы всегда будем вместе. —

— И я обещаю не поджигать кухню, — добавил Алекс, и Надя рассмеялась — легко, свободно, как не смеялась уже много лет.

Они начали готовиться к празднику за несколько дней. Грэйс купила свечи и скатерть, Алекс нашёл старую пластинку с джазом, которую они слушали в портовом городе. Надя, заглянув в холодильник, увидела ингредиенты для пирога и почувствовала, как на душе становится тепло. Это было просто, но это было их. Их семья, их традиции, их дом.

Но тревога не оставляла Грэйс. Капюшон маячил в её мыслях, как тень, которая не хотела исчезать. Она не рассказывала Наде о встрече на крыше, о том, что он знает о её дочери. Она не хотела пугать её. Но каждую ночь, когда она закрывала глаза, она видела его — стоящего на краю крыши, смотрящего на неё сквозь тьму капюшона.

— Ты что-то скрываешь, — сказал Алекс, когда они остались на кухне одни, пока Надя готовилась ко сну. — Я вижу по твоим глазам. Что случилось на той встрече?

Грэйс замялась. Она знала, что не может врать Алексу — он чувствовал её ложь за милю.

— Он знает о Наде. Он сказал, что я должна быть осторожна. Что я не должна его искать. Он не угрожал, Алекс. Он... он почти предупредил.

— И ты веришь ему? —

— Я не знаю, — честно ответила Грэйс. — Но он не похож на обычных убийц. Он не безумен. Он... рассчитан. И это пугает меня больше, чем его лук.

Алекс обнял её, прижимая к себе.

— Мы справимся, —

— Я боюсь за Надю, — прошептала Грэйс.

— Я тоже, — ответил Алекс. — Но она сильная. Она наша. Она справится.

Глава 10. Экскурсия в управление

День экскурсии наступил неожиданно. Надя проснулась рано, чувствуя внутри смесь волнения и предвкушения. Она надела свою обычную чёрную одежду, затянула шнурки на ботинках и вышла из дома, оставив Грэйс на кухне с чашкой кофе.

— Удачи, — сказала Грэйс, целуя дочь в лоб.

— Спасибо, мам, —

В колледже собралась вся группа. Клэр нервно теребила край куртки, Дэвид шутил, пытаясь разрядить обстановку, а Макс стоял в стороне, задумчиво глядя в окно автобуса. Он подошёл к Наде, когда они уже загружались в автобус.

— Ты сегодня какая-то другая, волнуешься?

— Немного, — призналась Надя. — Я никогда не была в настоящей криминалистической лаборатории.

— Я тоже, но, думаю, нам понравится.

Автобус подъехал к полицейскому управлению Вудстоуна — большому серому зданию с множеством окон и строгой вывеской. Надя почувствовала, как сердце забилось быстрее. Она знала, что где-то внутри, в этих стенах, работает её мать. И это знание делало место почти родным.

Их встретил высокий мужчина в белом халате — старший эксперт лаборатории. Он провёл их через пропускной пункт и начал экскурсию:

— Здесь, в лаборатории криминалистики, мы анализируем улики: отпечатки пальцев, ДНК, частицы тканей, следы крови. Каждая деталь может стать ключом к правде. Мы не ищем виновных — мы ищем факты.

Надя слушала, затаив дыхание. Она смотрела на пробирки, на микроскопы, на машины, которые анализировали ДНК. Ей казалось, что она попала в другой мир — мир, где из хаоса рождается порядок, где каждый след что-то значит.

— Сейчас мы зайдём в комнату, где проводят вскрытия. Кто хочет, может остаться снаружи.

Но Надя шагнула вперёд. В комнате пахло формалином и чем-то стерильным. На столе лежало тело — или манекен, или настоящий труп, она не знала. Но она смотрела на него, и в душе её не было страха. Только уважение к тому, что это тело могло рассказать.

— Ты смелая, — сказал Макс, стоя рядом с ней.

— Это не смелость. Это желание знать правду.

Экскурсия прошла на одном дыхании. Надя запомнила каждую деталь: как эксперт брал пробы, как он говорил о важности каждого миллиграмма, как он объяснял, что улики — это голоса тех, кто уже не может говорить. Она чувствовала, что это — её путь. Её призвание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.